
Садова Т.С.

**СНОГАДАНИЯ И РАССКАЗЫ О СНАХ В РУССКОМ
РЕЧЕВОМ ОБИХОДЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. –
Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – 144 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: русский фольклор; нарративы о снах; символы культуры; архетипы; лексика; народная этимология.

Монография, в которой представлено лингвистическое исследование рассказов о снах и сногаданий, состоит из предисловия и трех глав. В качестве приложений также приводятся тексты рассказов о снах, собранных полевыми экспедициями Санкт-Петербургского государственного университета в районах Русского Севера.

В предисловии Т.С. Садова отмечает, что вера в мистические свойства снов с древних времен была присуща человеку и умение толковать сновидения относилось к сфере пророческих функций. «Установленные» соответствия между элементами сна и реальными событиями воспринимались как мистические знаки¹. Устойчивость таких соответствий способствовала возникновению особой области знания – ониромантии, которая стала частью традиционной народной культуры. Фольклорные мотивы, связанные со снами, например, сон героя перед важным событием, также

---

¹ Т.С. Садова отмечает: «По имеющимся на сегодня сведениям, древнейший из сохранившихся письменных сонников – «Онейрокритика» – был составлен в Древней Греции еще во II в. до н.э. Артемидором из Далдиана [Нечаенко, 1991, с. 11]. Однако рукописные своды снотолкований существовали, безусловно, еще раньше, зачастую являясь основой для будущих письменных сборников [Гура, 2018] (с. 5).

свидетельствуют о важности темы пророческого сновидения в народной культуре; они поддерживаются аналогичной темой библейских сюжетов (например, сон Богородицы).

В первой главе «Рассказы о снах: создание снореальности» анализируются способы моделирования содержательной стороны рассказов о снах. Изучение массива повествований о снах привело Т.С. Садову к выводу: их нарративы есть скорее «моделирование» текстов по определенным образцам, чем их индивидуальное создание. Условность индивидуального характера сноповествований проявляется прежде всего в их содержании, потому что текст строится обычно вокруг общекультурных знаков, имеющих долгую мифопоэтическую историю и потому обретших в культуре символический смысл. Вокруг этих устойчивых, повторяющихся знаков строятся тексты рассказов о снах. Например, в сноповествованиях Русского Севера данную роль играют мотивы ‘яма’ и ‘сад’. Видеть яму, канаву – знак опасности, смотреть в яму – якобы к близкой смерти или болезни; ‘сад с плодами’ – также к расстройству, несчастью (с. 14). Вместе с тем антропоцентричность, а значит, личностный подход, является одним из ключевых характеристик текстов о сновидениях. Именно рассказчик отбирает факты сновидения, выстраивает их в определенной последовательности и своим подходом создает пространство сна и его толкования. С этой точки зрения повествования о снах – это личностные нарративы, в которых устанавливаются корреляции между миром сна, т.е. инобытия (иномира), и реальным миром – материальным и событийным. Связующим звеном служат символы и коды культуры, характерные для народных представлений об иномире. Таким образом, рассказы о сновидении и его толкование создают особое пространство «перекрестка» двух миров, частой модификацией которого является сопряжение мира живых и мира мертвых (с. 20).

Общекультурным архетипом, выражающим такое сопряжение, является архетипическая оппозиция «свой – чужой». Тематическое разнообразие повествований о снах разделено Т.С. Садовой на следующие группы: 1) сны о встрече и общении с умершим, обычно – родственником, соседом, близким знакомым; 2) сны-видения о встрече с сакральным персонажем или об услышанном голосе такого персонажа; 3) сны, в которых на первом плане демонстрация будущего через пророческие знаки; 4) сны-открове-

ния, толкующие «суть» произошедших событий; 5) сны как способ гадания, например, как часть святочных ритуалов; 6) сны-обмирения, рассказывающие о посещении загробного мира.

В рассказах о снах используются многочисленные структурные и композиционные элементы, которые являются средством компенсации неизбежной содержательной странности и неясности сюжетов о снах, способом создания на их основе «убедительного» линейного повествования. Начало и конец нарративов о снах обычно маркируются специальными элементами. Так, в начале маркерами границы перехода из яви в сон служат указания: *во сне; я во сне это; казалось*. В конце – формулы со значением пробуждения или сбывшегося сна: *и проснулась; открыла глаза; после этого X умер*. Однако активно используются также языковые средства совмещения планов яви и сна и показатели свободного перехода от яви к сну. К таким средствам принадлежат уточняющие вставные конструкции, наречные и модальные слова, указательные местоимения (*буквально; как будто; вот тут*). Сохранение повествовательной интриги и эмоциональности нарратива реализуется сменой локуса действия и его характеристик, часто с наречием *вдруг*: *«Потом вдруг как-то и девочки не стало, а она сидит...»*. Встроенные в текст диалоги также создают сюжетную связь между сновидением и реальной ситуацией говорения и являются средством компенсации неизбежной содержательной неясности сюжетов о снах, способом создания на их основе линейного повествования. Достоверность рассказа о сне поддерживается указанием на факты, имена реальных людей, в том числе мертвых. Доказательством правдивости сновидения служат упоминания известных примет, а также свидетельств связи мира живых и мира мертвых. Однако при этом мир мертвых, как правило, маркируется прямыми номинациями, указаниями на странности локуса, эфемистическими наименованиями типа *тот свет; та жизнь*.

Во второй главе «Языковое выражение содержательных категорий сна-рассказа» исследуются способы выражения в рассказах о снах категорий пространства, времени звуков и цветов. Эти элементы являются основными пространственными параметрами сна-реальности.

Пространство представлено в сна-рассказах как свое или чужое. В «своем пространстве», внутри или вокруг дома, разворачи-

ваются следующие типичные сюжеты: приход покойника (обычно родного человека); знаковые события, происходящие в доме; наблюдение из дома сновидцем событий, происходящих вне дома. События вне дома (во дворе, в доме соседа, на своей улице, в своей деревне) описываются в снарассказах более детально, чем события и детали внутри дома. В текстах о «своем пространстве» проявляется ощущение защищенности человека, оно – оберег от опасности, но не гарантирует отграничения от загробного мира. «Чужое пространство», в роли которого наиболее часто выступают чужой дом, лес, возвышенности или ямы, обычно получает оценочное описание: оно предстает либо как опасный, либо, наоборот, прекрасный локус. Для рассказов о посещении «иного мира» характерен мотив движения, длительного прохождения («Я [...] иду, один зал прошла, второй, третий, иду [...]»). Этот мотив поддерживает линейность повествования и динамичность действия. Мир живых и «иной мир» могут быть описаны рассказчиками как симметричные, а могут иметь как бы точки пересечения, что свидетельствует о близости двух миров в мифопоэтической народной традиции. Их языковые наименования – *коридор, порог, дверь*.

Время в рассказах о снах играет менее важную роль, чем пространство. Лексические указания на членение времени и смену суток, такие как *вечер, утро, поздно – рано, вчера – сегодня*, выражены слабо. Временные параметры сюжета о сне выражаются глаголами быстрого действия, их повторами. Одновременные или однопорядковые действия могут не согласовываться по времени и виду, что создает впечатление «разбросанности» и неопределенности действия. Такой же прием характерен для эпических фольклорных произведений.

Звуки довольно часто упоминаются в рассказах о снах и их истолкованиях, однако они не связаны тесно с пророческой функцией. Звуки в снарассказах имеют разные источники. Чаще всего это голоса людей разной громкости, иногда характеризующие действие, или плач (*говорить, кричать; идет неслышно; иду да и реву*), однако используются также звуки природы, шум дома (*загрело вроде бы; я слушаю, что двери открылись*).

Цвет также присутствует в рассказах о снах, однако цветовой мир однообразен. Чаще всего встречается оппозиция белого и черного, в которой черное служит знаком загробного мира или

опасности. Из других цветов имеют символический смысл белый и красный. Прилагательное *белый* обычно обозначает цвет бороды или волос святого; в образе *белого человека* являются также умершие родственники; *белые дрова / бревна / доски* – знак предупреждения о смерти. *Красное* – знак предмета, принадлежащего к сонму святых. Другие случаи упоминания цветовых прилагательных единичны.

В третьей главе «Язык и логика народного сонника: лингвистика сногадания» анализируются способы фиксации гаданий о снах и толкований, включая структурный и содержательный аспекты. Всего было проанализировано 700 текстов примет о снах.

Т.С. Садова отмечает трудности выбора материала для исследований по теме, обусловленные отсутствием полного собрания народных сновидений. С одной стороны, в Интернете присутствует большое количество сонников различного происхождения, однако их надежность под вопросом: «Очевидно, что лишь небольшая часть изданного и издаваемого текстового материала этих сонников обнаруживает подлинно народную основу, имеющую глубокие культурные корни [...]» (с. 61). С другой стороны, многочисленные записи рассказов о снах и сновидческих примет в этнографических источниках XIX в. несут на себе отчетливый отпечаток литературной обработки. Тем не менее ряд собраний XIX – начала XX в. (например, записи, сделанные А. Баловым и М. Харламовым) квалифицируются как подлинные и заслуживающие доверия и используются как источники материала в монографии Т.С. Садовой. Особого внимания, по мнению автора, заслуживает собрание М. Харламова, опубликованное в 1904 г. в Тифлисе¹. Это собрание содержит снотолкования русских, живущих на Кавказе, однако оно отражает соединение верований многонационального населения Кавказа.

Значительную роль в фольклорных текстах, принадлежащих к прогностической и заговорной традиции, играет народная этимологизация, сближающая семантику разнокоренных, но сходно звучащих слов. Иногда в таких отношениях, в том числе наррати-

---

¹ Харламов М.А. Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1904. – Вып. 34. – С. 1–28.

вах о снах, оказываются лексемы, действительно связанные этимологически. В результате смысл, соответствующий знаку сновидения, соединяется с прогностическим значением: *вино во сне видеть – быть виноватым / обвиненным; плетень – попасть в какие-либо сплетни*. Звуковое сходство становится устойчивым и воспринимается как мистическая закономерность. В нарративах о снах оно играет текстообразующую роль, способствуя тому, что прогностическая часть снотолкования расширяется и обретает вариативность. В нее вовлекаются синонимы, объяснения связи феноменов, например: *печь – печаль / к беде / к несчастью; «Печь видеть – быть под надзором у сильного и властного человека»* (с. 7).

Исследуются также другие принципы связи между знаком сна и прогностическим понятием, имеющие концептуальную или языковую основу. Например, употребление антонимических слов и словосочетаний, создающее в сноприметах ощущение перевернутого мира: *ангел во сне – нехорошо, беса видеть – хорошо; огонь видеть – к морозу*. Символическое подобие базируется на мифологических и общефольклорных мотивах. Так, *полотно, ткань, белый платок* – знаки смерти, утраты близких: *«Стол накрывать скатертью – покойник в доме»* (с. 78). В этой корреляции между приметой и прогнозом прослеживается также метонимическая связь – *белая ткань* как часть погребального обряда становится символом смерти в доме.

В русских сонниках дурных предзнаменований значительно больше, чем добрых. Слова, выполняющие прогностическую функцию, составляют несколько узловых тем: смерть, болезнь, горе, бедность, стихия. Слова, обозначающие знаки сна, повторяются. Слова – знаки сна часто предстают в виде контаминаций, относящихся к прогнозу одной и той же беды: *красный петух – к пожару; утки – к пожару; красная / рыжая корова – к пожару; сено собирать – к пожару*. Нередко встречаются намеренно неопределенные, уклончивые предсказания: *неприятность, несчастье, хорошо, плохо*. Неопределенность создают также конструкции с разделительным союзом *или*: *свечи перед образом – корысть или радость; телята – родины или корысть*. Неопределенность создает возможность индивидуальной интерпретации сна.

В заключение автор отмечает, что нарративы о снах представляют собой особый семиотический мир, принадлежащий национальному фольклору. Этот мир вариативен, но практически он не изменяется во времени.

*Е.О. Опарина
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*